Л. Г. Панова

https://orcid.org/0009-0001-7955-5564
✉ *lada_panova@hotmail.com*
Независимый исследователь
(США, Санта-Моника)

Замолаживает! Об искусстве речевого портрета в «Жизни Арсеньева»

Аннотация. «Жизнь Арсеньева» исследована недостаточно и однобоко. В частности, не обсуждался ее языковой план, если не считать похвал, расточавшихся Бунину критиками за стилистически безупречное повествование. Между тем главный герой этого Künstlerroman'а — взрослеющий писатель, погруженный в освоение не только литературы, но также русского языка и его разновидностей. Повествование в «Жизни Арсеньева» ведется от лица того же героя, но только полностью состоявшегося — достигшего пятидесятилетия, овладевшего секретами литературного мастерства и прославившегося. Вспоминая из эмиграции о своих юных годах, Арсеньев-рассказчик заодно фиксирует русский язык своей молодости, т. е. рубежа XIX–XX вв., вытесняемый новым советским узусом. Арсеньев-рассказчик и водящий его рукой Бунин создают яркие индивидуальные речевые портреты (в статье разбираются четыре примера) и один коллективный (социалистов-подпольщиков — антагонистов главного героя). При создании речевых портретов Бунин (Арсеньев) следует единой схеме: какова речь, таков и ее носитель; но разные речевые портреты оформляются разными приемами. Особое место в статье уделено выражению *Замолаживает!*, произносимому отцом Арсеньева во время выпивки. Подробно рассматривается, что это за слово, когда и как оно попало в словари и мемуарную литературу, как и с какой целью Бунин (Арсеньев) создает из него уникальную метафору русской души, наконец, в какой мере все это получило отражение в английском, французском и немецком переводах романа.

Ключевые слова: лингвистическая поэтика, интертекстуальность, Иван Бунин, «Жизнь Арсеньева», Künstlerroman, речевые портреты персонажей, документирование русского языка рубежа XIX–XX вв., Николай Гоголь, Владимир Даль, перевод сигнатурной авторской метафоры на иностранные языки

Благодарности. К. А. Богданову, А. К. Жолковскому, И. А. Пильщикову, И. П. Смирнову и Е. В. Урысон, прочитавшим эту статью, за высказанные соображения, Л. В. Куркиной, Жоржу Нива — за консультации, А. Ю. Арьеву, Юлии Ильчук и Маркусу Левитту — за библиографические справки.

Для цитирования: *Панова Л. Г. Замолаживает!* Об искусстве речевого портрета в «Жизни Арсеньева» // Шаги/Steps. Т. 10. № 4. 2024. С. 186–212.

Поступило 16 февраля 2024 г.; принято 18 октября 2024 г.

© Л. Г. ПАНОВА

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-186-212

L. G. Panova

https://orcid.org/0009-0001-7955-5564
✉ *lada_panova@hotmail.com*

Independent Scholar
(USA, Santa-Monica)

"It rejuvenates!" On the art of speech characterization in *The Life of Arseniev*

Abstract. *The Life of Arseniev* has been studied insufficiently and one-sidedly. Although critics praised Ivan Bunin for his stylistically impeccable narrative manner, the novel's linguistic aspect has never been the focus of analysis. Meanwhile, the protagonist of this *Künstlerroman* is a writer, whose maturation involves mastering literature and the Russian language in its many varieties. *The Life of Arseniev* is narrated by the same person but already fully matured. As a fifty-year-old author, Arseniev has learned the secrets of his profession and has become famous. Recollecting in emigration his early life, Arseniev documents the Russian language of the time of his youth, i.e. the turn of the 19th and 20th centuries, at the time of the writing being on the brink of extinction as the result of the new Soviet rule and control. In his capacity of Bunin's alter ego, Arseniev creates vivid individual speech portraits of the characters (the article analyzes four of those) and one collective speech portrait (of Arseniev's antagonists — the Socialist underground community). These portraits share the common pattern of reflecting the speakers' personalities through their manner of speaking, while varying the specific techniques of linguistic portrayal. The article pays special attention to the exclamation *"Zamolazhivaet!"* [It rejuvenates!] used by Arseniev's father in the course of his drinking sessions: the meaning of this word, the history of its appearance in dictionaries and memoirs, its metaphoric use by Bunin (and Arseniev), and the extent to which all this is reflected in the extant English, French, and German translations of the novel.

Keywords: linguistic poetics, intertextuality, Ivan Bunin, *The Life of Arseniev*, *Künstlerroman*, speech characterizations, the Russian language of the turn of the 19th and 20th centuries, Nikolai Gogol, Vladimir Dahl, translation of an author's signature metaphor into other languages

Acknowledgements. The author is grateful to K. A. Bogdanov, Igor Pilshchikov, Igor P. Smirnov, E. V. Uryson and A. K. Zholkovsky for reading this article and suggestions, L. V. Kurkina, and Georges Nivat for consultations, A. Iu. Ariev, Yuliya Ilchuk, and Marcus Levitt for bibliographical references.

To cite this article: Panova, L. G. (2024). "It rejuvenates!" On the art of speech characterization in *The Life of Arseniev*. *Shagi / Steps*, *10*(4), 186–212. (In Russian).

Received February 16, 2024; accepted October 18, 2024

© L. G. PANOVA

https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-4-186-212

Вере Аркадьевне Мильчиной

Иван Бунин — реалист (с уклоном в модернизм, что для дальнейших рассуждений не существенно) — требовал от литературы достоверности. Как-то в присутствии Георгия Адамовича он развил мысль, что придумывать каждому персонажу свой голос — избыточная мера, и неправы критики, подходящие к художественному тексту с такими ожиданиями. Мемуар Адамовича донес до нас не только аргументацию Бунина, но и его речевую манеру — сочетание рассудительности, полемических, вплоть до издевательства, выпадов, вообще, сильный эмоциональный накал и, как следствие всего этого, большой разброс интонаций. Ср.:

> — Какие болтуны, какие вруны все эти наши критики, я только руками развожу! ‹...› Выдумали, что в каждой повести каждый человек должен, видите ли, говорить особым своим языком, упрекают, если этого нет... А скажите, разве в жизни каждый действительно говорит особым языком, замечали вы это? Да, правда, министр говорит так-то, а младший дворник иначе. Но чтобы решительно все люди говорили по-разному, каждый по-своему — это сущий вздор. Да и не так это легко, говорить по-своему, пусть критики сами попробуют!
>
> Помолчав, Бунин добавил:
>
> — Я думаю, что скорей интонация у каждого человека своя. Один скажет «идет дождь» так-то, другой скажет «идет дождь» иначе. Но в книге-то будут те же слова «идет дождь», и только по общему характеру человека, если романисту удалось его хорошо изобразить, мы эту интонацию мысленно восстанавливаем [Адамович 1971: 124].

Постулаты постулатами, но если в бунинском opus magnum «Жизнь Арсеньева. Юность» (1927–1929, 1933, 1938)[1] персонажу будет предоставлено слово, то — можно не сомневаться — он заговорит по-своему.

«Жизнь Арсеньева» в лингвистическом разрезе — это идеально звучащий, безупречно чистый, легко льющийся русский литературный язык дореволюционной эпохи, разбавленный идиолектами персонажей. Для дальнейшего описания таких идиолектов будет важна устная манера персонажа со свойственной устной речи неправильностями, с областными, профессиональными, просторечными словечками, с идиоматикой, включая пословицы и поговорки, наконец, с цитированием художественной литературы для подкрепления своих взглядов.

От соседства с идиолектами персонажей язык повествования — плод деятельности Арсеньева в ипостаси перволичного рассказчика — только выигрывает. Столь же существенно, что устная речь в целом ряде ее разновидностей, как и усваиваемая Арсеньевым художественная литература, выступают тем «сырьем», из которого возникает демонстрируемое Арсеньевым искусство Слова с большой буквы.

---

[1] В статье анализируется последнее прижизненное издание романа [Бунин 1952] без постраничных ссылок, но с указанием номера книги (арабскими цифрами) и, через запятую, номера главы (римскими).

В буниноведении вопрос о речевых манерах персонажей до сих пор не ставился. Такие влиятельные исследователи романа, как Б. В. Аверин и О. В. Сливицкая, проигнорировали разнообразие в подаче персонажей, отдав предпочтение «последним» вопросам бытия и культуры (Памяти-Мнемозине, космизму, буддийскому мироощущению Бунина и т. д.)[2]. Не вступая в полемику с существующими подходами к «Жизни Арсеньева», сформулирую главное. Речевой портрет персонажа в «Жизни Арсеньева» — это не только особенные интонации, в создании и передаче которых проявляется бунинское чувство языка, но всегда специфические лексика, риторика и способы коммуникации. Le style c'est l'homme, и своей речью бунинский персонаж выдает себя с головой. Этот прием сродни тому искусству, в сущности семиотическому, которым в «Жизни Арсеньева» овладевает протагонист — формирующийся писатель: увидев человека со спины, угадать его лицо, личность, сословную принадлежность и характер.

1. Алексей Александрович Арсеньев: искусство Слова

У кого в «Жизни Арсеньева» нет и не может быть специфического идиолекта, это протагонист.

Начать с того, что Бунин создал Künstlerroman, или роман взросления «художника», а не, как долго считалось, завуалированную автобиографию. «Художник» — Алексей Александрович Арсеньев, складывающаяся человеческая, эстетическая и, что не менее важно, языковая личность. Его взросление происходит в том числе через освоение секретов писательского ремесла. К пятидесяти годам Арсеньев, достигнув как искомого мастерства, так и признания, берется за воспоминание о своем детстве, отрочестве и юности. Автобиография Арсеньева — тот относительно простой пласт, над которым Бунин возвел свой художественно изощренный Künstlerroman[3].

Пятидесятилетний Арсеньев-рассказчик — эмигрант, видящий свою миссию в сохранении (старо-)русской идентичности, тремя столпами которой выступают 1) классическая (дворянская) традиция русской литературы, 2) русский язык дореволюционной поры и 3) этика — набор гуманистических ценностей, попранных советской властью.

В «Жизни Арсеньева» русский язык в своей дореволюционной стадии понимается как финальный результат речевой деятельности множества поколений начиная с древнерусских времен. Финальный — потому что при советской власти он насильственно вытеснялся советским новоязом, и эта языковая политика, спускаемая сверху, проникала в массы. Для русского языка в его советской стадии в романе Бунина места не нашлось, но нашлось для ее предшественника — коллективного «идиолекта» социалистического подполья. Бунин показывает, как, завладев юными умами, социалистическое «слово» обращается в «дело», или в советскую диктатуру.

---

[2] См.: [Аверин 2003: 176–230; Сливицкая 2004: особ. 221–237].

[3] Настоящая статья продолжает [Панова 2022], где обосновывается такое прочтение.

Писателями-эмигрантами, среди которых было много пуристов, смена привычного им языкового строя на новый советский переживалась как личная трагедия. Та эмигрантская пресса, к которой принадлежал Бунин, была занята консервацией уходящего русского языка, в частности, не поощряла употребления советского словаря и даже сотворческого отношения к языку, будь то неологизмы или другие эксперименты, поскольку это было приметой раннесоветской литературы. Известный минус такой языковой политики — искусственная задержка в развитии языка. К «Жизни Арсеньева» этот упрек, впрочем, не относится, поскольку языку дореволюционной эпохи, на котором написан роман, предложена мотивировка (натурализация): он органичен и для дореволюционной действительности, и для героя-литератора, ею порожденного.

Известно, что Бунин во многом писал Арсеньева с себя. Жанром Künstlerroman'а, делавшим ставку на глубокое проникновение в жизнь, душу, мысли протагониста, автобиографизм поощрялся: лучше других авторы знают себя. Арсеньев — alter ego Бунина, причем в том, что касается языка, литературы и особенно складывающейся писательской личности, наименее беллетризованное.

По ходу романа юный Алексей овладевает 1) устной и письменной речью; 2) разными изводами литературной речи — записями для себя, поэзией, прозой, драмой (драмой — в процессе перевода «Гамлета» с английского языка); 3) областными словечками, просторечьем, русской идиоматикой — пословицами и поговорками; 4) разными стилистическими регистрами. Кроме того, Алексей погружается в 5) древнерусскую литературу и очаровывается 6) украинским фольклором. По созданной Арсеньевым «Жизни» можно судить и о том, что он — виртуоз-повествователь, легко вставляющий в свой нарратив 7) чужие дискурсы, бытовавшие на рубеже XIX и XX вв., причем в качестве чужих. Языковой профиль Арсеньева, в ипостаси как юного героя, так и пятидесятилетнего рассказчика, — это человек Слова. «Жизнь Арсеньева» тем самым приобретает черты литературо- и логоцентричного высказывания. Метахудожественность — неотъемлемое свойство Künstlerroman'а — Буниным не выпячиваемая, тем не менее пронизывает собой и концепцию произведения в целом, и буквально каждую его мелочь. Такое понимание приходит при рассмотрении «Жизни Арсеньева» под филологической лупой.

Среди задач, решавшихся Буниным в «Жизни Арсеньева», была фиксация русского языка одного исторического среза, а именно рубежа XIX–XX вв., на который пришлись его — и арсеньевские — детство и юность. Арсеньев выступает и последним из носителей этого языкового узуса, и его хранителем. Подобную установку в русском эмигрантском Künstlerroman'е «Жизнь Арсеньева» разделяла с «Историей любовной» Ивана Шмелева и «Путешествием Глеба» Бориса Зайцева[4].

[4] О кюнстлерроманном каноне, созданном первой русской эмиграцией, включая такой его пункт, как консервация русского языка во всей его «чистоте», см.: [Panova 2019].

Вернемся к двум ипостасям Арсеньева — юному герою и рассказчику. Между ними устанавливаются особые отношения, проецируемые в том числе в лингвистический план романа.

Прежде всего Арсеньев-рассказчик редко предоставляет слово самому себе в качестве растущего и развивающегося молодого существа. Читатель в принципе мог бы ожидать от «Жизни Арсеньева» — а это, повторю, роман взросления — детских словечек протагониста, изменения его разговорной манеры по мере вырастания, постепенное усложнение манеры всего повествования (случай «Портрета художника в юности» Джеймса Джойса и «Города Эн» Леонида Добычина). Но Бунин выбрал иной курс. Детские и юношеские мысли, эмоции, мечты, фантазии и глупости «переведены» на взрослый, стилистически отточенный язык Арсеньева-рассказчика. Это — способ придать фигуре формирующегося протагониста, по определению несовершенного, ибо развивающегося методом проб и ошибок, вид художественного артефакта.

Первая появляющаяся в «Жизни Арсеньева» реплика Арсеньева-героя — реакция на мамино чтение стихотворения Пушкина. Услышав строки «Вчера за чашей пуншевою с гусаром я сидел», Алеша уточняет: «С каким гусаром, мама? С покойным дяденькой?» Из этого наивного утверждения, согласно которому пушкинские строки созвучны арсеньевскому — «нашему» — миру (3, VIII), можно заключить, что в протагонисте пробуждается писатель, интериоризирующий классическую литературу. К усваиваемой в той же главе 3, VIII русской классике принадлежат и *вихри* из пушкинской «Бури»: их Алеша соотносит с зимним пейзажем хутора Каменка — тогдашнего семейного гнезда Арсеньевых. Повзрослев, Алексей одергивает директора гимназии, устроившему ему выволочку: «Не кричите на меня и не говорите мне ты. Я вам не мальчик...» (2, XI). Перед нами хотя и дерзкая, но, как и в диалоге с мамой по поводу пушкинских строк, ответная реплика «младшего» в разговоре со «старшим». С другой стороны, произнесением этой реплики Алексей отстаивает свое «я», вследствие чего разражается скандал: «младшим» так разговаривать со «старшими» не положено. Ведущим голосом протагонист становится только в общении с родителями, старшим братом Георгием и возлюбленными, особенно Ликой. В беседах с Ликиным отцом и старшим братом Николаем распределение ролей прежнее: взрослому собеседнику юного протагониста принадлежит первая реплика — и, следовательно, тема для обсуждения, а Алексею — ответная вторая. Вскрытая сюжетная, но также и лингвистическая схема согласуется с жанром Künstlerroman'a: пока протагонист не приобрел статуса, общество не готово предоставить ему право на самостоятельное суждение.

При отсутствии полноценного диалога со взрослыми из внеположного арсеньевскому семейству мира юный Алексей устанавливает такой диалог с русской поэзией. Он постоянно декламирует стихотворные строки, причем, в отличие от других персонажей, в режиме автодиалога, без какого-либо повода, просто потому, что они завладели его воображением. Производимая таким образом интериоризация чужих художественных про-

изведений органично приводит к созданию своих. Образец поэтического творчества Алексея — экспромт «И вновь, и вновь над вашей головой...» (3, XIV) — вставлен Арсеньевым-рассказчиком в свою автобиографию.

Площадка, дающая Алексею право сразу и на монологическое высказывание, и на большую аудиторию, — журналы, печатающие его дебютные сочинения. В то же время, когда он поступает работать в орловский «Голос», его обязанностью становится правка чужих, обычно низкого качества, будущих публикаций. В этой унизительной для него, как-никак — писателя, редакторской роли он выступает «вторым», более того, не слышным аудитории голосом. Надолго Алексей в Орле не задерживается. Одна из причин его переезда на Полтавщину — та, что чужие тексты отнимают у него время и силы для сочинения собственных.

Алексей единственный из всех персонажей «Жизни Арсеньева» изображается в режиме автодиалога, звучащего то в виде прямой речи, то (чаще) в пересказе. Благодаря автодиалогу читатели бунинского Künstlerroman'а получают особую привилегию — заглянуть в творческую лабораторию писателя, для посторонних обычно закрытую.

Когда Арсеньев-рассказчик берется за воспоминание о своих ранних годах, из-под его пера выходит автобиография, отмеченная монологизмом, а именно интроспективной сосредоточенностью на постепенном формировании собственной личности. Таковы, кстати, требования Künstlerroman'а в той его разновидности, которую выбрал Бунин: исповедального повествования от первого лица.

Что касается речей других персонажей, а также описаний их идиолектов, включенных Арсеньевым в свою автобиографию, то они получают совершенно четкое эстетическое, а иногда и этическое осмысление. Арсеньев-рассказчик ненавязчиво, но с полной определенностью расставляет сигналы своего отношения к тем, кто так или иначе поразил его своими высказываниями. В § 4 нас ждет пример того, как Алексей препарирует дискурс социалистического подполья. Свои негативные реакции он проговаривает, но не вслух, а про себя — в режиме внутреннего монолога. Этот формат высказывания — лишнее подтверждение тех двух принципов изображения юного протагониста, которые были сформулированы выше. Во-первых, социум, даже если это социалистическое подполье, где положение и чины не важны, не готов прислушиваться к мнению неоперившегося юнца; а во-вторых, писателю важно отлить свои представления и переживания в слово. Если в молодости протагонист ведет атаку на социалистическое подполье про себя, то в дальнейшем, когда пятидесятилетний Арсеньев возьмется за написание своей автобиографии, она, будучи перенесенной на бумагу, получит публичный резонанс.

2. Персонажи: индивидуальные речевые портреты

Речевые манеры, созданные как для важных, так и для второ- и третьестепенных персонажей, в «Жизни Арсеньева» исчисляются десятками. В принципе каждый из этих идиолектов заслуживает внимания исследо-

вателя, однако размер настоящей статьи позволяет бегло остановиться на трех второстепенных персонажах и чуть подробнее — на четвертом, по-настоящему важном для протагониста.

Нарочито простецкими оборотами, к тому же маркирующими принадлежность персонажа к мещанскому сословию, отмечена речь купца Ростовцева, в доме которого Алексей-гимназист поселяется нахлебником. Ростовцев обращен в прошлое, искренне веря в то, что заповеданный предками жизненный уклад должен соблюдаться и в его семье. Другие характеристики этого персонажа — прямота, простота, редкая в дореволюционной России честность в торговых операциях, гордость за себя, Россию и свою малую родину. Иной раз Ростовцев просит Алексея почитать стихи, которые тот проходит в гимназии. В своих оценках этих стихов Ростовцев раскрывается в точности так же, как в бытовых разговорах и бытовом поведении. Ему импонирует «старая» поэзия, величавый, но при этом простой поэтический строй, а тематически — гордость *державной Русью* и малой родиной. Ср. показательную беседу двух героев:

> — А вот вы прочитайте энти про всенощную и «под большим шатром».
>
> И я смущенно начинал:
>
> «Приди ты, немощный, приди ты, радостный, звонят ко всенощной, к молитве благостной...»[5] Он слушал, прикрывая глаза. Потом я читал Никитина: «Под большим шатром голубых небес, вижу, даль степей расстилается...» Это было широкое и восторженное описание великого простора, великих и разнообразных богатств, сил и дел России. И когда я доходил до гордого и радостного конца, до разрешенья этого описания: «Это ты, моя Русь державная, моя родина православная!» — Ростовцев сжимал челюсти и бледнел.
>
> — Да, вот это стихи! — говорил он, открывая глаза, стараясь быть спокойным, поднимаясь и уходя. — Вот это надо покрепче учить! И ведь кто писал-то? Наш брат мещанин, земляк наш! (2, IV).

Претензии другого купца (мещанина) — Ивана Андреевича Балавина, на поэтический талант разоблачаются тем, как он ведет беседу с Арсеньевым. Владение словом — не его сильная сторона. Устная речь Балавина кишит словами-паразитами типа *как говорится* или *с позволения сказать*. По своей словесной эстетике он — народный мудрец, изъясняющийся мещанским говорком и вставляющий в свою речь народные оракулы. Арсеньева, например, он характеризирует со ссылкой на такой оракул: «Вы ‹...› слишком в даль простираетесь» (4, IV; 4, V), и Арсеньеву эти слова западают в душу. Стихотворение Балавина «Родился я в глуши степной...», строки которого цитируются в «Жизни Арсеньева», выдержано в псевдонародном, т. е. заведомо лживом духе. Балавин достаточно умен, чтобы это признать.

[5] Из «Всенощной в деревне» Ивана Аксакова. Разъяснение цитатного слоя «Жизни Арсеньева» здесь и в дальнейших примечаниях не претендует на новизну.

Согласно комментариям А. К. Бабореко в [Бунин 1993–2000 (5): 572], Бунин придал Балавину черты поэта-самоучки Е. И. Назарова, и эта деталь обнажена за счет того, что в «Жизни Арсеньева» авторству Балавина приписаны строки из «Воспоминания» — стихотворения Назарова. Назарову, а также его публикациям, включая «Воспоминание», Бунин посвятил свое первое литературное эссе «Поэт-самоучка» (1888)[6].

И все-таки если оставить в стороне устную речь и стихи Балавина, увлечение литературой сформировало из него — торговца зерном — нечто особенное. Он выделяется из среды торговцев своей подчеркнуто хорошей одеждой. В свободное от работы время он следит за новейшими публикациями — так он узнаёт о поэтическом дебюте Алексея в одном столичном журнале. Во время встречи с Алексеем Балавин, закончив говорить о делах, неожиданно переводит разговор на литературу, а там и невзрачную будущность своего визави, если тот не передумает быть писателем.

Прелестный речевой портрет создан для Аси, с которой Арсеньева связала на одно лето романтическая дружба. Героиня не выговаривает «л», пробует свои девичьи чары на Алексее, и эти две особенности сливаются в адресованном протагонисту присловье: «Ах, какой гвупый, Боже, какой гвупый!» (3, IX). Бунин как-то признался Александру Бахраху, что в женщинах его привлекают небольшие дефекты речи [Бахрах 1979: 62]. Ася — именно такой женский тип.

Арсеньев-отец, к которому мы переходим, потому так важен для повествования, что он виртуозно владеет «живым» — в смысле лексикографии Владимира Даля — русским языком. Свою одаренность к слову Александр Сергеевич генетически передал сыну-писателю. Алексей пошел дальше отца, освоив и другие разновидности русского языка, включая язык поэзии и прозы.

Устность речевой манеры Арсеньева-отца проявляется во владении нижним стилистическим регистром, с одной стороны, и пословичным репертуаром, с другой. Собственно, такова была устная речь его тезки — Пушкина, а также «земляка» Арсеньевых Льва Толстого, не раз упоминаемого в «Жизни Арсеньева». Оба не гнушались ни просторечием (Пушкин называл это языком московских просвирен), ни ругательствами, ни пословицами и поговорками.

Александр Сергеевич Арсеньев — несколько облагороженный образ отца Бунина, от которого, как Бунин сам признавался, он унаследовал и дар слова, и любовь к нижнему стилистическому регистру, ср. признание Бунина в записи Бахраха:

> А отец мой еще лучше умел ругаться. Помню, матушка с упреком говорила: «Господи, как все Бунины оскорбительно ругаются» [Бахрах 1979: 92].

О том, как Бунин ругался, в том числе в присутствии женщин и в том числе матом, сохранились воспоминания современников. Мат в «Жизни

[6] См. републикацию этого эссе с подробными комментариями в [Бунин 1973].

Арсеньева» отсутствует, а сильное ругательство поминает, как мы скоро увидим, черта, причем не без оттенка богохульства, поскольку речь идет о Ветхом Завете.

Арсеньев-отец часто произносит присловья типа *вздор* или *ерунда*, которыми вносит в обсуждение той или иной проблемы здравый смысл. Тот же здравый смысл проявляется в одном риторическом вопросе, сопровождаемым ругательством. Узнав, как проходил экзамен сына при поступлении в гимназию — а Алексея проверяли на знание Библии вопросом об амаликитянах, т. е. малоизвестном ветхозаветном этносе, — он вопрошает: «И на чорта ему эти Амаликитяне?» (1, XIX). В дальнейшем для того, чтобы обнадежить затосковавшего сына, Александр Сергеевич произносит народную мудрость, и не просто народную, а художественную, с применением приема figura etymologica «нет беднее беды, чем печаль» (4, VI). Пословицы и поговорки — важная составляющая идиолекта Арсеньева-отца.

Таким портретом дворянина Бунин, в сущности, иллюстрирует свою любимую мысль: по сути дворяне — такой же народ, как крестьяне. Высказывалась она и Марселем Прустом в его ныне считающемся образцовым Künstlerroman'е «В поисках утраченного времени». Там служанку Франсуазу и герцогов Германтских объединяли чистота и простота французского языка, тогда как представители сословий, расположенные между простонародьем и аристократией, ничем подобным похвастаться не могли. Бунин признавался, что во время работы над «Жизнью Арсеньева» с «Поисками...» еще не познакомился, так что «прустовские места» появились у него по чистой случайности, но не все буниноведы, а тем более прустоведы готовы в это поверить.

Будем считать, что все сказанное об Арсеньеве-отце подготовило нас для восприятия его присловья *Замолаживает!*

3. Отцовское присловье *Замолаживает!* (2, XII): смыслы, интертексты, этимология, переводы на иностранные языки

Больше, чем другие фразы, услышанные от отца, Арсеньев-рассказчик (и водящий его рукой Бунин) смакует восклицание *Замолаживает!*, произносимое после «двух-трех рюмок водки». Это — и свидетельство приподнятого настроения во время выпивки, и риторический аргумент в ее пользу[7]. Присловье *Замолаживает!* как нельзя лучше характеризует Александра Сергеевича Арсеньева. Кутежи, его любимое времяпровождение, оказались разорительными и для его состояния, и для состояния его четверых детей. Поскольку среднему носителю русского литературного языка слово *замолаживать* едва ли знакомо, Арсеньев-рассказчик пускается в его толкование. Ср.:

[7] О риторике пьянства см.: [Богданов 2023] — с подборкой русских примеров, к которым теперь можно добавить и «Жизнь Арсеньева».

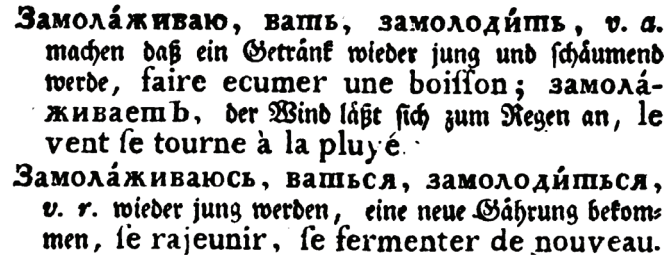
— Нет, отлично! Люблю выпить! *Замолаживает!*

Замолаживает — это слово употреблялось когда-то на винокурнях, и человек выпивший хотел им сказать, что в него вступает нечто молодое, радостное, что в нем совершается некое сладкое брожение, некое освобождение от рассудка, от будничной связанности и упорядоченности[8]. Мужики так и говорят про водку:

«Как можно! От ней в человеке развязка делается!»

Знаменитое «Руси есть веселие пити» вовсе не так просто, как кажется. Не родственно ли с этим «веселием» и юродство, и бродяжничество, и радения, и самосжигания, и всяческие бунты — и даже та изумительная изобразительность, словесная чувственность, которой так славна русская литература? (2, XII).

Чтобы по достоинству оценить арсеньевскую — и бунинскую — глоссу, заглянем в словари. Первым *замолаживать* зафиксировал Иван Нордстет в своей русско-немецко-французской трилингве:


Замола́живаю, ватъ, замолоди́тъ, v. a. machen daß ein Getränk wieder jung und ſchäumend werde, faire ecumer une boiſſon; замола́живаетъ, der Wind läßt ſich zum Regen an, le vent ſe tourne à la pluye.

Замола́живаюсь, ваться, замолоди́ться, v. r. wieder jung werden, eine neue Gährung bekommen, ſe rajeunir, ſe fermenter de nouveau.

Фрагмент «Российского с немецким и французским переводами словаря» Ивана Нордстета [Нордстет 1780–1782 (1): 220]

A fragment from "Russian Dictionary, with German and French Translations" by Ivan Nordstet (1780–1782, vol. 1, p. 220)

Замолаживать отражено в «Словаре Академии Российской» (в 1-м издании (1793, т. 4, в рубрике *Младый*) и во втором издании, 1806–1822 гг. (самостоятельное вхождение)) и в «Общем церковнославяно-российском словаре, или Собрании речений как отечественных, так и иностранных, в церковнославянском и российском наречиях употребляемых» (1834) П. И. Соколова. А самый нюансированный лексикографический портрет *замолаживать* — на счету Даля, автора «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863–1866):

Замолодить, **замола́живать** *пиво*, *мед*, приводить в винное броженье хмелем, навеселить; ‖ о квасе, приводить в кислое броженье. ‖ *Замолаживать*, бзлч. *орл. тул. и вост.* пасмурнеть, заволакиваться тучками, клониться к ненастью, замывать (Не вообще ли, о перемене погоды, от *молодик*, молодой месяц? — *Примеч. В. И. Даля*). **-ся**, начинать бродить, переходить в броженье; ‖ быть

[8] Здесь и далее, если не оговорено иное, курсив в цитатах мой. При цитировании словарей сохраняется шрифтовое выделение, данное в оригинале.

> замолаживаему. **Замоложаветь**? *тмб. пен*[*з*]. захмелеть; опьянеть. **Замолодеть**?, о солнце, *олон*. покрываться белыми тучками (*не замола́живать ли?*) [Даль 1903–1911 (1): 1507].

Вслед за Далем мы будем различать три значения этого слова: 1) самое широко представленное «метеорологическое», 2) «кулинарное»[9] (в том числе пивоваренное, винодельческое) и 3) наиболее редкое «алкогольное», очевидно, метафорико-метонимический перенос[10] семы ‘ферментация’ из области приготовления алкоголя в область человеческих эмоций и поведения, вызываемых его потреблением.

Русские писатели не просто заглядывали встарь в «Толковый словарь», но прочитывали его от корки до корки — ради расширения своего лексического запаса. Школу языкового мастерства по «живому языку» Даля прошел, как известно, Андрей Белый, а по его стопам и Владимир Набоков. Любопытно было бы узнать, справлялся ли с далевским словарем Бунин, создавая интересующий нас пассаж: в опубликованном архиве писателя мне таких указаний не встретилось. Зато в воспоминаниях Бахраха Бунин хвастался тем, что собрал всевозможные поговорки, «каких ни у какого Даля не найти» [Бахрах 1979: 82], очевидно, имея в виду другой словарь Даля — «Пословицы русского народа» (1862).

Но даже если Бунин не полюбопытствовал заглянуть в далевский, а также другие словари русского языка, включая «Словарь русского языка» Императорской академии наук (1891–1937, продолжен Словарной комиссией АН СССР, не завершен) с наиболее богатой подборкой примеров, в том числе из художественной литературы, на *замолаживать*(*ся*) в «метеорологическом» и «кулинарном» значениях («алкогольное» значение там отсутствует), существовали другие способы познакомиться с этим редким словом из книг, а не только из жизни.

Сначала — одно соображение про жизнь. В «Обузе» (1925) — документальном очерке (рассказе?) Бунина — *замолаживать* в «алкогольном» значении произносится крестьянином Ефремом как органичное для него словцо. Из беседы рассказчика, зашедшего к Ефрему в его неухоженную избу, выясняется, что Ефрем не реагирует на революционные события, будучи поглощенным своими стариковскими бедами, в частности близостью смерти:

> — И умер бы, может, да умереть-то — попу три рубля, да то да се...
>
> И с улыбкой, еще более задрожавшей:
>
> — А там ну-ка спросят, *отчего не пьяный помер, без всякого удовольствия*...

[9] В смысле «Кулинарного словаря» В. В. Похлебкина (1923–2000): «**ЗАМОЛАЖИВАНИЕ.** Действие, приводящее в брожение какую-нибудь жидкость или затор ‹...› (то есть разведенную жидкостью, водой муку или зерно, мед и т. д.). Замолаживать — значит добавить в затор, внести в жидкость закваску — дрожжи, хмель и размешать их. Замолаживают обычно пиво, брагу, мед. Молоко, тесто — заквашивают» [Похлебкин 1999: 140]. В словарях русского языка, появившихся до «Жизни Арсеньева», «кулинарное» *замолаживать* употреблялось и как синоним *заквашивать*.

[10] То есть перенос и по сходству, и по смежности.

— Значит, есть такой указ, чтобы пьяному туда являться?

— А как же? Обязательно! Обязательно, чтоб немножко *замолаживало, повеселей да и пооткровеннее*, в одних порточках! [Бунин 1993–2000 (5): 414–415].

Примеры на *замолаживать* из «Жизни Арсеньева» и «Обузы» приведены вместе в «Словаре народного языка И. А. Бунина» И. М. Курносовой [2012: 127–128], где для них предлагается «алкогольная» дефиниция: «О состоянии легкого опьянения» [Там же: 127]. В «Жизни Арсеньева» задействовано также «кулинарное» (= винокуренное, т. е. относящееся к производству спиртных напитков) значение этого слова, но в словаре Курносовой оно почему-то не учтено.

Переходя к книгам, начну с «Воспоминаний о Владимире Ивановиче Дале» (1873) Павла Мельникова-Печерского, согласно которым слово *замолаживать* стало поворотным моментом в судьбе будущего лексикографа. Семнадцатилетний мичман Даль впервые услышал его в глубокой русской провинции, но только не в интересующих нас «алкогольном» и «кулинарном» значениях, а в «метеорологическом», и, получив разъяснения, раскрыл свою записную книжку, куда занес и слово, и его толкование. В этот момент он сделался собирателем «живой» русской лексики, часто не отражавшейся в нормативных словарях:

Морозным вечером, в марте 1819 года, по дороге из Петербурга в Москву, ‹...› на паре почтовых лошадей, ехал молоденький мичман. ‹...› Ямщик из Зимогорского Яма (дело было в Новгородской губернии) поглядел на небо и в утешение продрогшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо — верный признак перемены к теплу.

— Замолаживает! [—] сказал он.

По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось.

— Как замолаживает? [—] спросил он.

Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на мороз, выхватывает из кармана записную книжку и окоченевшими от холода руками пишет:

«Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью»...

Эти строки, написанные на морозе в 1819 году (они сохранились у Даля), были зародышем того колоссального труда[,] который ученому миру известен под названием *Толкового словаря живого великорусского языка* (курсив оригинала. — *Л. П.*).

С тех пор с каждым днем книжка пополнялась. Записывались областные слова, особенные обороты народной речи, пословицы, поговорки, прибаутки [Мельников-Печерский 1873: 286–287][11].

[11] Когда в 1903 г. в одном библиографическом журнале праздновался выход «Толкового словаря» Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ, то заметка Е. Чернова открывалась только что приведенным эпизодом, см.: [Чернов 1903: 49].

В «Жизни Арсеньева» Бунин фактически ставит читателя в ситуацию семнадцатилетнего Даля, впервые услышавшего *замолаживает*.

Другой источник слова *замолаживает*(*ся*) — записная книжка Гоголя 1842–1844 гг. с перечнем редких слов, сопровождаемых толкованиями. Для *замолаживать*(*ся*) Гоголь отмечает «метеорологическое» и «кулинарное» значения:

> Замолаживается — приготовляются на небе тучки для дождика; начинается брожение пива [Гоголь 1937–1952 (9): 550].

Бунин — и Арсеньев — могли узнать об этой глоссе, например, из издания Гоголя под редакцией Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока [Гоголь 1896: 509]. Обсуждаемая параллель потому так важна, что Арсеньев с раннего детства был поклонником Гоголя. А поселившись на Полтавщине, он регулярно совершал вылазки туда, где жил или бывал Гоголь, и сверял увиденное с гоголевскими описаниями тех мест. Арсеньев также взял за правило вести записные книжки, возможно, ориентируясь на Гоголя и в этом. Обратим внимание и на то, что в приведенной цитате из «Жизни Арсеньева» восклицание *Замолаживает!* поставлено в связь с *чувственностью* и *изобразительностью* русской литературы, а это — идеал, заповеданный не кем иным, как Гоголем.

Наконец, третий источник — книга А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов» (1865–1869). В главе 7, «Живая вода и вещее слово», погодные явления были поставлены в связь с мифологией живой и мертвой воды. По Афанасьеву лексика ферментации, описывающая производство алкоголя (а также хмеля, влияющего на состояние человека), стала метафорой для появления туч, возникновения непогоды, в частности дождя:

> Любопытны свидетельства языка, указывающие на уподобление грозы и ненастья — приготовлению хмельных напитков: област. з а м о л о ж а в е т ь употребляется в смысле: захмелеть, опьянеть, а м о л о ж и т ь применяется к погоде и значит: затягиваться небу тучами, делаться пасмурным; м о л о ж н ы й — туманный, серый; средний глагол з а м о л а ж и в а е т, з а м о л о д и л о — становится или стало облачно, пасмурно, а действит. форма з а м о л а ж и в а т ь, з а м о л о д и т ь — делать так, чтобы напиток заиграл, запенился («замолодить пиво») (разрядка оригинала. — *Л. П.*) [Афанасьев 1865–1869 (1): 370].

Бунин в «Жизни Арсеньева» тоже делает упор на «ферментацию».

С середины XIX в., когда Даль и Афанасьев издали свои труды, прошли полтора столетия, за которые лингвистика оформилась в самостоятельную дисциплину. С накоплением данных по славянским языкам и по русским диалектам этимологами были поставлены вопросы о том, являются ли «метеорологическое» и «кулинарно-алкогольное» *замоложивать* разными корнями или же одним, а также имеют ли эти лексемы отношение

к корню **mold-*, представленном в словах типа *молодой*. Ныне доминирующая гипотеза — что корень один, и это **mold-*, в славянских языках наделенный семантикой не только юности, но также вялости, слабости, мягкости, нежности, незрелости. К корню **mold-* возводятся названия для солода и дрожжей в некоторых славянских языках, а в диалектах русского языка — *молодь* ‘винная пена’, ‘легкие облака’[12].

Уточнения в лингвистический профиль глагола *замолаживать*(*ся*) вносит, помимо словарей, Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Из того объема данных, который можно составить по всем этим источникам, «метеорологическое» *замолаживать* из диалектной сферы перебралось в русскую литературу — судя по единичным вхождениям в прозу Льва Толстого («Война и мир»), Николая Лескова («Овцебык»), Мельникова-Печерского («На горах»), Шмелева («Лето Господне») и т. д. «Кулинарное» значение было представлено до «Жизни Арсеньева» в народной песне «Ах! Пашинька, Парасковьюшка...», зафиксированной в XVIII в., ср. об изготовлении Пашинькой хлебов для дальнейшей продажи: «Три недели квашня кисла, не выкисла, / На четвертую неделю *замолаживалась*» [Чулков 1913: 157, Соболевский 1895–1902 (7): 32 (со ссылкой на песенник 1780 г.)]. Что же касается *замолаживать* в «алкогольном» значении, то оно появляется после Бунина в документальной повести Анатолия Хруцкого «Окаянные дни Ивана Алексеевича» (2001). Там в одной из сцен тост, поминающий отцовское *Замолаживает!*, произносит сам Бунин [Хруцкий 2001: 56].

Отдельный вопрос, на который у меня нет ответа, — как квалифицировать *Замолаживает!*: перед нами готовая идиома или, напротив, сочиненное Арсеньевым-отцом присловье для личного пользования? Обрисованный в § 3 идиолект Арсеньева-отца, как и появление *замолаживать* в «Обузе» в качестве крестьянского словца, вроде бы говорят в пользу первого предположения. С другой стороны, в таких разделах «Пословиц русского народа» Даля, как «Гульба — пьянство» и «Пьянство», *Замолаживает!* (и *развязка делается*) не представлены. Можно, конечно, вспомнить о том, что Бунин знал поговорки, Далю не встретившиеся, но это все-таки не аргумент в пользу первой гипотезы.

Таким образом, в «Жизни Арсеньева» фон, на котором появляется *Замолаживает!*, — интертекстуальный диалог Бунина с русской литературой и филологией. Обращаясь к редкому слову в самом редком из его трех значений, он демонстрирует поразительное погружение в русский язык и, конечно, вступает в соревнование с предшественниками, употреблявшими *замолаживать* в наиболее ходовом — «метеорологическом» — значении.

Предложенное Буниным толкование *Замолаживает!* подхватывает важнейшие темы «Жизни Арсеньева».

---

[12] См. ныне ставшее классическим исследование [Куркина 1983: 6–10], где все это объясняется, а также статьи [Горячева 1986; Пьянкова 2004].

Одна тема — молодость, сопутствующая роману взросления молодого существа. Выпив, Арсеньев-отец выпадает из состояния взрослости в состояние брожения, безрассудства, веселья, свойственных скорее юности, нежели зрелости.

Другая тема — уходящая русская натура, в том числе лексическая, которую нужно успеть запечатлеть, пока она не стерлась из памяти нации. Примечательно, что Бунин называет *замолаживать* устаревшим, т. е. выходящим из употребления словом.

Третья тема — тульско-орловские земли, или малая родина Арсеньева (и самого Бунина), — источник живого великорусского языка, и Арсеньев-отец как его носитель. Попутно отмечу, что Даль в качестве ареала распространения *замолаживать* в «алкогольном» значении указывает Тамбовскую и Пензенскую губернии, а Тамбовская губерния — соседка Воронежа, места рождения Бунина, Ельца и Орла, где он провел юные годы, а также поместий его родственников, в которых происходило его общение с крестьянами.

Наконец, четвертая тема — творческое обращение писателя с языком. Арсеньев-рассказчик берет термин «профессиональных» винокуров и, возможно, любителей выпить, чтобы превратить его в, не побоимся этого слова, *чувственную*, *изобразительную* метафору пьяного и просто разгула русской души. Если в «Мертвых душах» метафорической проекцией русской души, жаждущей «закружиться, загуляться, сказать иногда: “черт побери все!”», была быстрая езда на птице-тройке (получившая косвенное отражение в главе «Жизни Арсеньева» 5, VI[13]), то у Бунина на место езды заступили выпивка и последующее веселие, слившиеся в восклицании *Замолаживает!* Поскольку *Замолаживает!* поставлено в синонимические отношения с древнерусской фразой «Руси есть веселие пити» из «Повести временных лет» и с крестьянским способом говорить о водке *развязка делается*, то тем самым бунинское определение для русской души приобретает и вневременной, и внеклассовый характер[14].

Замолаживает! — вызов не только для буниноведа, но и для переводчиков, кстати, начиная с процитированного выше Нордстета.

Английский перевод книги 2 «Жизни Арсеньева», в которой появляется это слово, а также книг 1, 3–4 принадлежит Глебу Струве и Хэмишу Майлзу. Он вышел в 1934-м, на следующий год после присуждения Бунину Нобелевской премии. Там *Замолаживает!* передано словом-калькой «(It) rejuvenates» [Bunin 1934: 133, 1994: 77]: приставке *за-* (с семантикой начинательности) соответствует *re-* (с семантикой повторности), а корню *молод-* — корень *juven-*. Латинизированный за счет как приставки, так и

[13] Разбор главы 5, VI, включая ее гоголевский подтекст, см.: [Панова (в печати)].

[14] В русском языке винодельческое *замолаживать* вступает в синонимические отношения с *бродить* и *киснуть*, каковые тоже порождают свой ассоциативный ряд: *киснуть* передает психологическое состояние человека (ср.: «что-то ты киснешь»), а идиома *брожение умов* — социума. В «Жизни Арсеньева» для глагола *замолаживать* создан такой фон, что, помимо указания на психологию, он коррелирует с состоянием социума, которое можно описать как брожение умов (подсказано Е. В. Урысон).

корня глагол *to rejuvenate*, вошедший в английский язык в 1800-е годы (не без влияния фр. *rejeunir*), к исконно английским не относится; соответственно, в плане этимологии он далеко отстоит от исконно русского *замолаживать*. Есть и другое, более существенное расхождение: *rejuvenate* не развило «алкогольных» смыслов типа ‘брожения вина / пива’. К бесспорным удачам перевода Струве — Майлза стоит зато отнести вышедшую на первый план семантику возвращенной молодости.

Георг Шварц в своем переводе «Жизни Арсеньева» на немецкий тоже пошел по пути калькирования *замолаживать*, предложив “Es ermuntert (eben!)” [Bunin 1980: 111]. Глагол *ermuntern* буквально значит ‘бодрить (и пробуждать ото сна) / веселить / вливать жизнь’. В отличие от латинизированного англ. *rejuvenate* нем. *Ermuntern* — исконное слово, ср. корень *munter-* ‘бодрый, веселый, живой’ + приставку *er-*. В тезаурус виноделия / винопития *ermuntern* опять-таки не входит.

В принципе, от французского — языка виноделов — можно было бы ожидать более точного перевода *Замолаживает!* Позволю себе один пример: во французском различается *vin gai* ‘легкое, бодрящее вино’ — пусть и далекий, но аналог *замолаживать*, и *vin triste* ‘тяжелое вино, действующее депрессивно’[15]. В переводе «Жизни Арсеньева» Клер Ошар «Ça ragaillardit!» [Bounine 1999: 151] (букв. ‘развеселить / взбодрить / поднять дух’) — тоже калька с *Замолаживает!* Подчеркивается раж, в который входит человек, и это резонирует с бунинскими разъяснениями вокруг *Замолаживает!* Этимологами *ragaillardir* раскладывается на приставку *ra-*, в основе латинскую (в сущности ту же, что в *re-juvenate*), и корень *gaillard*, от галло-романского *galla* ‘сила’, а его появление во французском языке датируется XV в. Как английский и немецкий переводы, французский обходится без спецификации «алкогольной» темы.

Из заведомо неполного обзора переводов[16] *Замолаживает!* складывается следующая картина. Переводчики выбирают глагол-кальку, по сути адекватный, но упрощающий бунинский замысел. Если оригинал украшен редким, сложным словом, которое читатель не знает и объяснению которого должен удивиться, то в переводах на его место заступает слово простое, ходовое, понятное и, что отмечалось выше, без-«алкогольное» — с более универсальной семантикой вхождения в молодое / веселое / лихое состояние. Другая потеря — стилистическая, едва ли поддается переводу. По Бунину размах выпивки по-русски может быть передан только очень особенным русским словом, добытым из самой толщи традиционной русской культуры. Ситуацию мог бы спасти комментарий, однако в обсуждаемых переводах «Жизни Арсеньева» аналоги *замолаживать* оставлены без разъяснений.

---

[15] См. статью «Gai» в [Chatelain-Courtois 1984: 162–163]. До «Жизни Арсеньева» это различение попало в русскую литературу, ср. «Имелось» (1922) Бориса Пастернака: «Есть марки счастья. Есть слова / Vin gai, vin triste...».

[16] В частности, мне не удалось раздобыть первый перевод «Жизни Арсеньева» на французский 1935 г. Мориса Донзеля («Мориса Парижанина»).

Но можно ли требовать от переводчиков внимания к присловью *Замолаживает!*, если даже в российских академических изданиях «Жизни Арсеньева» оно не комментируется, хотя своей глоссой к нему Бунин указывает на такую необходимость?

4. Социалисты-подпольщики (2, XII; 4, XII–XIII): коллективный речевой портрет

Присловье *Замолаживает!* и рассуждения вокруг него подытоживают главу 2, XII, посвященную отнюдь не отцу Алексея, а драматическому повороту в судьбе одного из двух его старших братьев — Георгия. Прототипом этого персонажа — дворянина, с университетской, если не школьной скамьи шагнувшего в среду разночинцев-революционеров, — послужил Юлий Бунин (1857–1921), народник, статистик, писатель, а главное, любимый брат Ивана Бунина. В 2, XII жандармы увозят Георгия на станцию, чтобы по железной дороге отправить в харьковскую тюрьму, где ему предстоит пробыть год, и семейство Арсеньевых в горестном смятении провожает его. Следующие три года, проведенные Георгием хотя и в отчем гнезде, но под надзором полиции, оказались большой удачей для Алексея. Поскольку Алексей, бросив гимназию, занялся самообразованием, то в лице Георгия обрел и наставника, и друга, и чуткого собеседника. Отбыв в сумме четырехлетнее наказание, Георгий вернулся в Харьков, куда вскоре вызвал Алексея, чтобы тот под его опекой сделал первые шаги во взрослую жизнь.

Глава 4, XIII, повествующая о харьковском опыте Алексея, показывает, насколько инородным телом он ощущает себя в среде единомышленников Георгия. Алексею претят их идеология, этика и, как мы вскоре увидим, языковая эстетика. Идеология социалистов-подпольщиков — настояние на народно-демократических ценностях, которым, если воспользоваться выражением Ликиного отца, доктора-интеллигента, должен служить «всякий честный и культурный русский человек» (5, IV). А их этика — сектантство, раздражение против чужаков (вроде Алексея), незнание народа, чьи права они вроде бы взялись отстаивать, вообще, неоткрытость миру, который они мечтают реформировать.

В 4, XIII развивается, пусть и не в полную силу, конфликт между индивидом, Алексеем, и коллективом — социалистами-подпольщиками. На сюжетном уровне он разрешается в спорах и, в еще большей степени, во внутреннем монологе протагониста, отстаивающего свою писательскую индивидуальность от посягательств со стороны самопровозглашенных менторов-социалистов (ср. аналогичный отпор Алексея директору гимназии). И споры, и внутренняя речь — все это формы речевой деятельности, а она, в свою очередь, превращает 4, XIII в слово о словах.

Напрашивающимся сюжетным ходом для разворачивающегося в 4, XIII конфликта была бы война идей. Но Бунин не любил проторенных путей, предпочитая прокладывать свой собственный, в данном случае — метаязыковой. Как явствует из книги 5, Алексей руководствуется пред-

ставлениями Гёте: «Политика никогда не может быть делом поэзии...» (5, IV), и вот почему атака на противников ведется им с плацдарма не идеологии и не этики, а эстетики. Под «эстетикой» понимается литературная и в еще большей степени языковая критика, как раз и определяющая направление внутреннего монолога протагониста. Алексей «побивает» своих противников словом, тем самым оставаясь на своей писательской территории и не переходя на их поле — революционно заряженных идеологем.

Критика Алексея направлена не на конкретных носителей социалистической идеи (в «Жизни Арсеньева» они выведены, причем весьма колоритно), а на коллективный речевой портрет, Алексеем же и составленный. В начале статьи был сформулирован действующий в романе принцип построения индивидуальных речевых портретов: какова речь, таков и персонаж. Верен он и для рассматриваемого коллективного речевого портрета.

Лингвистическая критика Арсеньева, в ипостаси как героя, так и рассказчика, вскрывает не какую-то одну проблему социалистического подполья, а несколько, причем в их взаимосвязи.

Во-первых, своим речевым узусом социалистическое подполье наносит удар по русскому языку. Но чем является язык для Арсеньева? Это — инструмент его деятельности, т. е. нечто священное для писателя, и словесная ткань его произведений. В своем внутреннем монологе, разворачивающемся в 4, XIII, Алексей среди прочего останавливается на том, что у используемых русским социалистом слов бывают пустые денотаты и, следовательно, эти слова ничего не значат. Так, метафоры вроде *вихри враждебные* из «Варшавянки» в силу дурной риторической пышности — лживы; истинны, судя по 3, VIII, *вихри* из пушкинской «Бури», потому что могут быть соотнесены с зимним пейзажем хутора Каменка. Слушая на сходках, как подпольщики хором поют «Варшавянку», Алексей делает недовольное лицо, и собравшимися это считывается как эстетический упрек: «А вы, Алеша, опять кривите свои поэтические губы?». (Ср. аналогичную — тоже проявляющуюся на лице — реакцию Ростовцева на чтение стихов про державно-православную Русь: «сжимал челюсти и бледнел».) Фраза про «поэтические губы» фокусирует все внимание на губах как на органе речепорождения; эпитет *поэтический*, сопровождающий *губы*, вносит свою лепту, сигнализируя о писательской миссии протагониста.

Во-вторых, словарь русского социалиста — это набор клише, а клишированность речи выдает мышление стереотипами, или, что то же, отсутствие самостоятельного мышления.

В-третьих, через словарь русского социалиста в общественное дискурсивное пространство проникает доктринерство, пропаганда и — шире — властные игры, а именно порабощение собеседника под видом раскрепощения. На примере Георгия Арсеньева Бунин показывает, насколько может быть заразителен социалистический дискурс с его вроде бы очень

правильными идеями борьбы за народное счастье. А на примере Алексея демонстрируется закрепощение, правда, не удавшееся: юному писателю внушается, что свободная мысль, эстетический вкус, любые проявления индивидуальности — то, что нужно в себе подавить во имя народных страданий. Выводя тоталитарную природу социалистического дискурса на чистую воду, Арсеньев/Бунин заодно метит в советский режим с его общеобязательными дискурсами (вроде помощи страдающему или голодающему народу)[17]. Арсеньев-рассказчик подводит читателя к мысли, что от социалистического подполья, с которым его свела юность, рукой подать до тоталитарных практик победившего большевизма. Так, для одного из харьковских знакомых по фамилии Мельник, наиболее отвратительного — «гнусавого», «необыкновенно резкого и самонадеянного в суждениях» (это, кстати, индивидуальный речевой портрет!), он приводит сведения о том, что при советском режиме тот стал «каким-то “хлебным диктатором”» (4, XII).

Арсеньев тщательно расставляет сигналы того, что словарь социалистического подполья уродлив, но заразителен, и что новички, перенимая его, тем самым выводят себя за границы эстетики, а там и подлинной, т. е. основанной на гуманизме этики.

Прежде всего Арсеньев-рассказчик не видит никакой возможности произносить слова из социалистического словаря от себя и вводит для них специальный графический режим: кавычки. Если взять из глав 2, XII и 4, XIII закавыченные слова и привести их списком, то это и будет словарь подпольщика, собственноручно составленный Арсеньевым, а затем рассредоточенный по разным пассажам.

Поскольку повествовательной оправой для социалистического словаря служит чистая, живая, органически льющаяся речь, то Бунин дает читателю расслышать диссонанс, возникающий между ними. По Бунину было бы эстетическим преступлением, если бы талантливый автор — в данном случае, Алексей — заговорил уродливым, неорганичным для него, да и вообще сконструированным под идеологические цели языком, отказавшись от своего искусства Слова.

Кроме того, в главе 4, XIII с ее четкой антисоциалистической направленностью Бунин фактически преподает читателю 1920–1930-х годов урок нонконформизма — но не лобовым образом, как в речи «Миссия

[17] Претензии Бунина к большевикам и невысокое мнение об интеллигенции, допустившей установление советского режима или даже способствовавшей этому, известны из «Окаянных дней». См. еще дневник Веры Николаевны от 22 июля / 4 августа 1921 г. с записью бунинских слов: «Погубительница России — это мягкотелая интеллигенция, которая любит только пофигурировать. ‹...› Нет, если бы все отказались работать с большевиками и народ узнал бы, что помогут только при условии ухода их от власти, то в колья бы взяли большевиков!» [Грин 1977–1982 (2): 49] — и дневниковую запись самого Бунина от 6 августа (н. ст.): «В газетах все то же. “На помощь!” Призывы к миру “спасти миллионы наших братьев, гибнущих от голода русских крестьян!” А вот когда миллионами гибли в городах от того же голода не крестьяне, никто не орал. И как надоела всему миру своими гнустями [sic!] и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая сволочь Русь!» [Там же: 50].

русской эмиграции» (произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г.)[18], а тонко. Взяв слова социалистического подполья в кавычки, он тем самым предлагает читателю подумать о судьбе России, отринув готовые дискурсивные ходы.

Тот факт, что глава 4, XIII буквально нашпигована закавыченными словами, фразеологизмами, цитатами из литературы, превращает ее в отповедь ложной языковой политике. Повторю, что эта отповедь произносится юным Алексеем в режиме внутреннего монолога.

Разобравшись в общих чертах с коллективным речевым портретом русского социалиста-подпольщика, перейдем к примерам, вносящими любопытные нюансы.

В 4, XIII вкусы харьковского социалистического подполья суммированы с привлечением закавыченных слов и — тоже закавыченных — цитат из литературы. Последним, кстати, придана роль риторической «обслуги» для идеологем, ср.:

> ...времена «Отечественных Записок» считают золотым веком, а их закрытие одним из самых больших и страшных событий всей русской жизни, свое же время называют безвременьем — *«бывали хуже времена, но не было подлей»*[19] — и уверяют, будто бы вся Россия от этого безвременья *«задыхается»*; клеймят *«ренегатом»* всякого, кто хоть мало-мальски усумнился в чем-нибудь ими узаконенном и поминутно издеваются над чьей-нибудь *«умеренностью и аккуратностью»*[20].

На фоне 4, XIII, т. е. задним числом, становится ощутимой лингвистическая критика, развернутая в главе 2, XII. Она метит в Георгия Арсеньева и других молодых дворян, не выполнивших возложенного на них исторического предназначения, а именно не ставших подлинной элитой страны, которая бы повела ее к процветанию. В приводимом далее отрывке некий семинарист Доброхотов при помощи пышной риторики «вербует» Георгия в ряды социалистов-подпольщиков:

> В чем заключалась *«деятельность»* брата ‹...›, я точно не знаю. Знаю только то, что деятельность эта началась еще в гимназии под руководством какой-то *«замечательной личности»*,

---

[18] Любопытно, что в «Миссии русской эмиграции» Бунин не стал переходить на советский новояз (хотя отпор большевикам этого вроде бы требовал), а использовал другой стилистический ресурс — язык русской Библии. Из-за этого возникли кривотолки — якобы Бунин взял да и выступил в роли пророка. Чтобы их пресечь, Бунин опубликовал свою речь в «Руле», включив в постскриптум негативные реакции на нее. Была среди реакций и лингвистическая критика из газеты «Правда», ср.: «“Просматривая печать белой эмиграции, кажется...” — какой прекрасный русский язык! — “кажется, что попадаешь на маскарад мертвых...”» [Бунин 1993–2000 (8): 419].

[19] Изначально это выражение — из рассказа Надежды Хвощинской (В. Крестовского) «Счастливые люди» (1874). Путевку в жизнь ему дал Некрасов, процитировавший его в своих «Современниках» (ч. 1, «Юбиляры и триумфаторы», 1875).

[20] Признание подлеца Молчалина из «Горя от ума».

какого-то семинариста Доброхотова. Но что общего было у брата с Доброхотовым? Брат, рассказывая мне о нем впоследствии, все еще восхищался им, говорил о его *«ригоризме»*, о его железной воле, о *«беспощадной ненависти к самодержавию и беззаветной любви к народу»*; но была ли хоть одна из этих черт у брата, почему он восхищался?

‹...› вспоминая Доброхотова, он вспоминал весь тот счастливый праздник, в котором протекала его юность, — праздник ощущения этой юности, праздник *«преступной»*, а потому сладостно-жуткой причастности ко всяким тайным кружкам, праздник сборищ, песен, *«зажигательных»* речей, опасных планов и предприятий...

Ах, эта вечная русская потребность праздника! ‹...› И что такое вообще русский протестант, бунтовщик, революционер, всегда до нелепости отрешенный от действительности и ее презирающий, ни в малейшей мере не хотящий подчиниться рассудку, расчету, деятельности невидной, неспешной, серой? Как! Служить в канцелярии губернатора, вносить в общественное дело какую-то жалкую лепту! Да ни за что, — *«карету мне, карету!»*[21]

‹...› Чем вообще созданы были *«хождения в народ»* дворянских детей, их восстание на самих себя, их сборища, споры, подполья, кровавые слова и действия? В сущности дети были плоть от плоти, кость от кости своих отцов, тоже всячески прожигавших свою жизнь. Идеи идеями, но ведь сколько, повторяю, было у этих юных революционеров и просто жажды веселого безделья под видом кипучей деятельности, опьяненья себя сходками, шумом, песнями, всяческими подпольными опасностями, — да еще *«рука об руку»* с хорошенькими Субботиными, — мечтами об обысках и тюрьмах, о громких процессах и товарищеских путешествиях в Сибирь, на каторгу, за полярный круг!

Что побуждало брата, превосходно кончившего и гимназию и университет только в силу своих совершенно необыкновенных способностей, весь жар своей молодости отдавать *«подпольной работе»*? ‹...› Во многом, во многом был он сын своего отца, недаром говорившего после двух-трех рюмок водки:

— Нет, отлично! Люблю выпить! Замолаживает!

Как и в 4, XIII, здесь поражает обилие закавыченных слов, к которым однако же не отнесено отцовское *Замолаживает!*; оно, очевидно, проходит как свое — арсеньевское.

В процитированном отрывке набрасывается речевой портрет Георгия, попавшего под влияние социалистов и в буквальном смысле заговорившего чужим языком ценой отказа от «арсеньевского» и вообще нормального языка. Когда Арсеньев-рассказчик излагает события из жизни брата, о которых, очевидно, узнал с его слов, то не хочет марать свое повествование социалистической лексикой и тем более риторикой. Отсюда кавычки

[21] Финальная реплика Чацкого из «Горя от ума».

как та граница, которую Арсеньев-рассказчик проводит между собой и Георгием (читай: Георгий мне брат, но истина дороже).

Главы 2, XII и 4, XIII создают эффект читательского попадания прямиком в «Что делать?». Но, конечно, между двумя романами есть разница. У Николая Чернышевского словарь социалиста вливается в естественную речь третьеличного повествователя, затем чтобы по-эзоповски намекнуть читателю-единомышленнику, что к чему. У Бунина же, наоборот, при помощи кавычек социалистический дискурс исключается из перволичного повествования: да, словарь социалиста-подпольщика обладает заразительностью, что можно видеть на примере Георгия, однако в свое повествование пятидесятилетний Арсеньев-эмигрант, пострадавший от советской власти, включает его лишь на правах цитаты из чужих и чуждых ему речей.

Акт подрыва слова и дела социалистов — это еще и тонкая работа Бунина с фамилиями.

В 2, XII к социалистам-подпольщикам причислены некоторые герои-радикалы русской литературы и, наряду с ними, писатели, бунтовавшие против власти. Поставив их имена во множественном числе вместо единственного, ср.: «Радищевы, Чацкие, Рудины, Огаревы, Герцены», Бунин (и Арсеньев) принижает их, как если бы они размножились, потеряв свою уникальность.

В связи с «Радищевыми, Чацкими...» обращает на себя внимание «говорящая» фамилия семинариста *Доброхотова*, привлекшего Георгия Арсеньева к подпольной деятельности. Будучи производной от русского слова *доброхот*, она иронически намекает на Добролюбова, который вплоть до своей скоропостижной кончины был лицом нелюбимого Буниным народно-демократического лагеря русской литературы. В «Жизни Арсеньева» Добролюбов не фигурирует. В качестве представителя этого лагеря в 5, IV выведен Николай Некрасов, причем тоже приемом «вытеснения» из перволичного арсеньевского повествования: на него как на пример для подражания указывает отец Лики, для Алексея не являющийся авторитетом.

Показательна и фамилия девушек-дворянок — *Субботины*[22], с которыми юноши вроде Георгия Арсеньева мечтали идти в революцию «рука об руку»[23]. Она производна от *субботы*, т. е. еженедельного дня отдыха, когда по религиозным, в частности библейским, нормам запрещено работать (вариант: дня перед воскресеньем — днем отдыха). Бунин, возможно, намекает на то, что социалисты создают лишь иллюзию деятельности: собственно работа не делается, потому что в этой среде царит вечная суббота.

---

[22] В «Легком дыхании» эту фамилию носит подруга главной героини.

[23] Этот оборот повторен при пересказе исповедальной речи Георгия о его тайной возлюбленной — тоже дворянке и тоже единомышленнице — в 4, XVI: «Она была из богатой и родовитой семьи, но росла в страстных свободолюбивых и народнических мечтах, рано вышла замуж, чтобы начать *“рука об руку с любимым человеком”* жить только для народа, в борьбе за народ...»

На фоне псевдомиссии социалистического подполья писательская миссия главного героя — серьезная заявка на будущее: не разрушительная для отдельных индивидов и целой страны, а созидательная. В то же время, будучи русским и к тому же одним из Арсеньевых, Алексей далеко не всегда на высоте. В книге 5 он, едва успев поселиться с Ликой на Полтавщине, пускается во все тяжкие, перестает писать, теряет возлюбленную, ставит себя на грань самоубийства.

Подобные повороты сюжета — лишнее подтверждение тому, что принцип *Замолаживает!*, или выпадение из реальности и вечный праздник, — свойство русской, и в частности, арсеньевской души.

Заключение

Репутация лучшего русского стилиста XX в., сложившаяся у Бунина в 1910-е годы[24], «Жизнь Арсеньева» упрочила. При жизни ее автора критики стали подчеркивать ее повествовательные красоты. Проделанное исследование показывает, что стилистическое мастерство Бунина распространяется и на характеризацию ее персонажей путем создания незабываемых речевых портретов, а там и на выкладывание из этих портретов особых нарративных узоров. Стилистическое искусство Бунина — это также поразительное владение малыми единицами языка, к каковым относится присловье *Замолаживает!*, пронизывающее и пласты русского языка, и пласты романа.

Источники

Адамович 1971 — *Адамович Г.* Бунин: Воспоминания // Новый журнал. № 105. 1971. С. 115–137.

Афанасьев 1865–1869 — *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу ...: В 3 т. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865–1869.

Бахрах 1979 — *Бахрах А.* Бунин в халате: По памяти, по записям. [Нью-Йорк]: Товарищество Зарубежных Писателей, 1979.

Бунин 1952 — *Бунин И.* Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

Бунин 1973 — *Бунин И.* Поэт-самоучка: По поводу стихотворений Е. И. Назарова / Публ. В. Н. Афанасьева // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1 / [Гл. ред. В. Р. Щербина]. М.: Наука, 1973. С. 290–296.

Бунин 1993–2000 — *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Моск. рабочий, 1993–2000.

Гоголь 1896 — *Гоголь Н. В.* Из записной книжки 1842 года // Гоголь Н. В. Сочинения / Под ред. Н. Тихонравова, В. Шенрока. 10-е изд. Т. 6. М.; СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1896. С. 497–524.

Гоголь 1937–1952 — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.]: Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1952.

[24] Если отсчитывать от письма Максима Горького Василию Качалову: «Знаете — он так стал писать прозу, что если скажут о нем: это лучший стилист современности — здесь не будет преувеличения» (февраль 1912 г.) [Горький 1946–1955 (29): 228].

Горький 1946–1955 — *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1946–1955.

Грин 1977–1982 — Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977–1982.

Мельников-Печерский 1873 — *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. Т. 104. 1873. С. 275–340.

Соболевский 1895–1902 — *Соболевский А. И.* Великорусская народная песня: В 7 т. СПб.: Гос. тип., 1895–1902.

Хруцкий 2001 — *Хруцкий А.* Окаянные дни Ивана Алексеевича: Повесть // Звезда. 2001. № 11. С. 28–74.

Чулков 1913 — *Чулков М. Д.* Сочинения. Т. 1: Собрание разных песен. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1913. (1-е изд.: 1770–1774).

Bounine 1999 — *Bounine I.* La Vie d'Arséniev: Jeunesse / Trad. du russe et annoté par C. Hauchard; Préf. de J. Catteau. Paris: Bartillat, 1999.

Bunin 1934 — *Bunin I.* The Life of Arseniev: The well of days / Trans. by G. Struve, H. Miles. New York, A. A. Knopf, 1934.

Bunin 1980 — *Bunin I. A.* Das Leben Arsenjews / Übersetzt von G. Schwarz. München et al.: Carl Hanser Verlag, 1980.

Bunin 1994 — *Bunin I.* The Life of Arseniev: Youth / Trans. by G. Struve, H. Miles (Books 1–4); H. Hillis, S. McKean, S. A. Wolf (Book 5); Ed. by A. Wachtel. Evanston, Ill: Northwestern Univ. Press, 1994.

Словари

Даль 1903–1911 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп., под ред. и с предисл. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб., М.: Т-во М. О. Вольф, 1903–1911.

Курносова 2012 — *Курносова И. М.* Словарь народного языка произведений И. А. Бунина. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2012.

Нордстет 1780–1782 — *Нордстет И.* Российский с немецким и французским переводами словарь: [В 2 ч.]. СПб.: Иждивением ... И. К. Шнора, 1780–1782.

Похлебкин 1999 — *Похлебкин В. В.* Кулинарный словарь. М.: Центрполиграф, 1999.

Литература

Аверин 2003 — *Аверин Б. В.* Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003.

Богданов 2023 — *Богданов К. А.* Пьянство и русская литература: риторические модели // Новое литературное обозрение. № 183. 2023. С. 8–22. https://doi.org/10.53953/08696365_2023_183_5_8.

Горячева 1986 — *Горячева Т. В. Замолаживает*, *заволаживает*... // Русская речь. 1986. № 6. С. 106–111.

Куркина 1983 — *Куркина Л. В.* Славянские этимологии (**korda*, **moldъjь*, **pelti*, **peljǫ*, **pelti*, **pelvǫ*) // Этимология. 1981 / [Отв. ред. Ж. Ж. Варбот]. М.: Наука, 1983. С. 3–16.

Панова 2022 — *Панова Л. Г.* Годы учения, странствий и воспитания чувств русского художника в юности: «Жизнь Арсеньева» с точки зрения жанра // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына: 2021–2022 / [Отв. ред. Н. Ф. Гриценко]. М.: Дом рус. зарубежья им. Александра Солженицына, 2022. С. 75–120.

Панова (в печати) — *Панова Л. Г.* Бунин при свете Жуковского: о танато-эротическом лейтмотиве «Лики» // Новый мир. (В печати).

Пьянкова 2004 — *Пьянкова К. В.* Метеорологические явления и их «пищевая» интерпретация в лексике русских народных говорах // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Вып. 5 / Под ред. М. Э. Рут, Л. А. Феоктистовой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 191–204.

Сливицкая 2004 — *Сливицкая О. В.* «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2004.

Чернов 1903 — *Чернов Е.* Владимир Иванович Даль — Биографический очерк // Известия по литературе, науке, библиографии: Иллюстрированный библиографический журнал. 1903, № 5–6. С. 49–57.

Chatelain-Courtois 1984 — *Chatelain-Courtois M.* Les mots du vin et d'ivresse. Paris: Belin, 1984. (1e éd. 1957).

Panova 2019 — *Panova L. Homo Aristocraticus cum Artisticus*: The Russian *Émigré Künstlerroman* and its modernist environment // The many lives of the Russian Avant-garde. Nikolai Khardzhiev's legacy: New contexts / Ed. by D. Ioffe, F. H. White. Amsterdam: Pegasus, 2019. P. 207–238.

References

Averin, B. V. (2003). *Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russkoi avtobiograficheskoi traditsii* [Mnemosyne's gift: Nabokov's novels in the context of the Russian autobiographical tradition]. Amfora. (In Russian).

Bogdanov, K. A. (2023). P'ianstvo i russkaia literatura: ritoricheskie modeli [Drunkenness and Russian literature: Rhetorical models]. *Novoe literaturnoe obozrenie, 183*, 8–22. https://doi.org/10.53953/08696365_2023_183_5_8. (In Russian).

Chatelain-Courtois, M. (1984). *Les mots du vin et d'ivresse*. Belin.

Chernov, E. (1903). Vladimir Ivanovich Dal' — Biograficheskii ocherk [Vladimir Ivanovich Dahl — A biographical essay]. *Izvestiia po literature, nauke, bibliografii. Illiustrirovannyi bibliograficheskii zhurnal, 1903*(5–6), 49–57. (In Russian).

Goriacheva, T. V. (1986). *Zamolazhivaet, zavolazhivaet...* [*Zamolazhivaet* [it rejuvenates]*, zavolazhivaet...* [it becomes moist]]. *Russkaia rech', 1986*(6), 106–111. (In Russian).

Kurkina, L. V. (1983). Slavianskie etimologii (**korda*, **moldъjь*, **pelti*, **peljǫ*, **pelti*, **pelvǫ*) [Slavic etymologies (**korda*, **moldъjь*, **pelti*, **peljǫ*, **pelti*, **pelvǫ*)]. In Zh. Zh. Varbot (Ed.). *Etimologiia. 1981* (pp. 3–16). Nauka. (In Russian).

Panova, L. (2019). *Homo Aristocraticus cum Artisticus:* The Russian Émigré *Künstlerroman* and its Modernist Environment. In D. Ioffe, & F. H. White (Eds.). *The many lives of the Russian Avant-garde. Nikolai Khardzhiev's legacy: New contexts* (pp. 207–238). Pegasus.

Panova, L. G. (2022). Gody ucheniia, stranstvii i vospitaniia chuvstv russkogo khudozhnika v iunosti: "Zhizn Arsen'eva" s tochki zreniia zhanra [The years of apprenticeship, wanderings and sentimental education of the Russian artist as a young man: *The Life of Arseniev* from the genre standpoint]. In N. F. Gritsenko (Ed.). *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna: 2021–2022* (pp. 75–120). Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna. (In Russian).

Panova, L. G. (Forthcoming). Bunin pri svete Zhukovskogo: o tanato-eroticheskom leitmotive "Liki" [Bunin in the light of Zhukovsky: On the love-death leitmotif of "Lika"]. *Novyi mir*. (In Russian).

P'iankova, K. V. (2004). Meteorologicheskie iavleniia i ikh "pishchevaia" interpretatsiia v leksike russkikh narodnykh govorov [Meteorological phenomena and their "culinary" interpretation in the vocabulary of Russian dialects]. In M. A. Rut, & L. A. Feoktistova (Eds.). *Onomastika i dialektnaia leksika: Sbornik nauchnykh trudov* (Vol. 5, pp. 191–204). Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).

Slivitskaia, O. V. (2004). *“Povyshennoe chuvstvo zhizni”: mir Ivana Bunina* [“Enhanced sense of life”: The world of Ivan Bunin]. Rossiisk. gos. gumanit. un-t. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Лада Геннадьевна Панова
кандидат филологических наук
независимый исследователь
(США, Санта-Моника)
✉ *lada_panova@hotmail.com*

Information about the author

Lada G. Panova
Cand. Sci. (Philology)
Independent Scholar
(USA, Santa Monica)
✉ *lada_panova@hotmail.com*